

Центр междисциплинарных
исследований человеческого
потенциала

Что (же) делать с занятостью женщин с детьми в России? Роль дошкольных образовательных учреждений

Научный дайджест № 4

Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в ноябре 2020 г. в рамках Национального проекта «Наука» как консорциум четырех организаций – лидеров в данной области научного знания: НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Создание Центра стало самой масштабной в России инициативой в области социальных и гуманитарных наук за последние десятилетия. Среди его основных задач – не только проведение исследований мирового уровня в области развития человеческого потенциала, но и налаживание кооперации с зарубежными организациями-лидерами, запуск образовательных программ, создание передовой научной инфраструктуры, обеспечение трансфера полученных результатов в практику государственного управления и образования.

Центр реализует 75 научных проектов. Программа исследований охватывает ключевые аспекты человеческого потенциала, актуальные сегодня в глобальной повестке:

социальное и гуманитарное измерение человеческого потенциала

нейрокогнитивные механизмы социального поведения

демографические и социальные факторы активного долголетия

природно-климатические детерминанты устойчивого развития

занятость, социальная активность и формирование ключевых навыков и компетенций

человеческий потенциал и безопасность в глобальном мире

человек в эпоху технологических трансформаций

Научный дайджест подготовлен в рамках проекта «Оценка влияния социальной политики в отношении семей с детьми на предложение труда женщин и их человеческий капитал»

Введение

Экономическая активность молодых женщин — это важная составляющая благосостояния семей с детьми и один из источников долгосрочного экономического потенциала страны. В России и в других посткоммунистических странах Европы занятость женщин в последние десятилетия находилась на стабильно высоком уровне (свыше 75%). Однако участие молодых женщин (25-34 года, период деторождения) в рабочей силе в посткоммунистических странах¹ снизилось после перехода к рыночной экономике. В России оно восстанавливается очень слабо, в то время как в развитых странах Европы этот показатель непрерывно растет. Низкий уровень занятости молодых женщин коррелирует с малой доступностью дошкольного образования и учреждений по уходу за детьми младших возрастных групп: в очереди на зачисление стоят в среднем половина детей соответствующего возраста.

Мы изучили, как можно повысить уровень занятости женщин с детьми в России и что может помешать этому, провели сравнительный анализ факторов, определяющих различия между рынками труда в посткоммунистических странах (в первую очередь между Россией и странами с развитыми экономиками), а также выстроили эконометрическую связь между доступностью дошкольного образования и женской занятостью в регионах России.

¹ Чехия, Эстония, Венгрия, Словакия, Россия.

1. Межстрановой анализ занятости женщин с детьми

Участие женщин в рабочей силе

Для России характерен высокий общий уровень участия женщин в рабочей силе, сопоставимый с показателями стран Северной и Западной Европы (рис. 1). При этом практически все занятые женщины работают более 35 часов в неделю, что близко к показателям стран Восточной Европы (рис. 2). В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в особенности в Западной и Северной Европе, больше распространена занятость с неполным рабочим днем и гибким графиком. Низкий уровень неполной занятости, согласно работам Lovász (2016) и Saxonberg, Sirovátka (2006), характерен для многих стран постсоветского пространства, включая Россию.

Занятость матерей с детьми

Наблюдаются масштабные различия в занятости матерей с детьми в возрасте 0-2 года и матерей с детьми в возрасте 3-5 лет: в России этот разрыв составляет 44 процентных пунктов, что значительно превышает аналогичный показатель в странах Западной и Северной Европы (10 и 7 процентных пунктов соответственно²) и сопоставимо с разрывом в Эстонии, Чехии, Венгрии и Словакии (Рис. 2). Такая ситуация свидетельствует о наличии структурных проблем в части занятости женщин с детьми младших возрастов. Как отмечают Saxonberg, Sirovátka (2006), после падения коммунистических режимов новые правительства проводили политику рефамилизации: государство стимулировало женщин к выполнению социальной роли матери. Эта политика оказалась для них привлекательнее дефамилизации³, поскольку последняя требовала значительных социальных расходов, которые находились под сокращением в 1990-е годы.

Экономическое неравенство

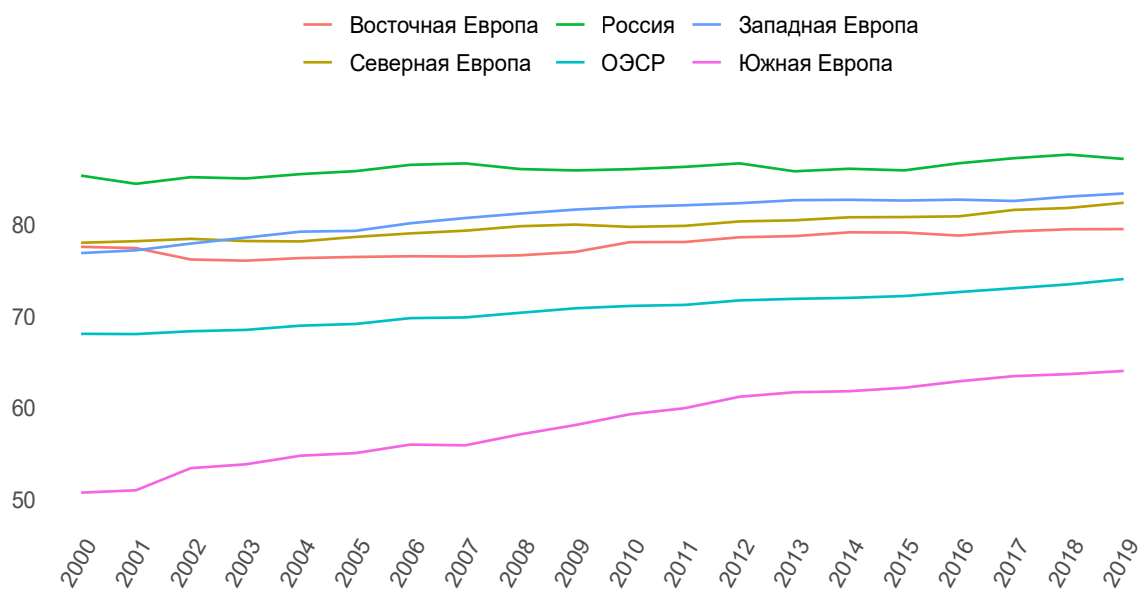
Согласно данным Международной организации труда (МОТ) по индексу гендерного неравенства в зарплатах, в России зарплаты женщин в 2014 году были на 23% ниже по сравнению с зарплатами мужчин. Значения индексов неравенства в нашей стране одни из самых высоких среди всех рассмотренных нами стран. Соответственно, при выборе, кому из родителей следует ухаживать за ребенком, женщине в среднем выгодней выбирать домашний труд в ущерб карьере (Ржаницына, 2000). При этом, даже если женщина выходит на работу, наличие ребенка все равно сказывается на зарплате. По оценкам авторов работы Бирюкова, Макаренцева (2017) «штраф за материнство» составляет 3.9% для всех женщин, а для женщин с высшим образованием он доходит до 6%.

² Показатель рассчитан как разница средних значений занятости по группам стран. К Западной Европе отнесены Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, а к Северной — Ирландия, Великобритания, Дания, Швеция, Финляндия.

³ Дефамилизация – создание государством условий для полноценной женской занятости за счет развития дошкольного образования.

Рисунок 1

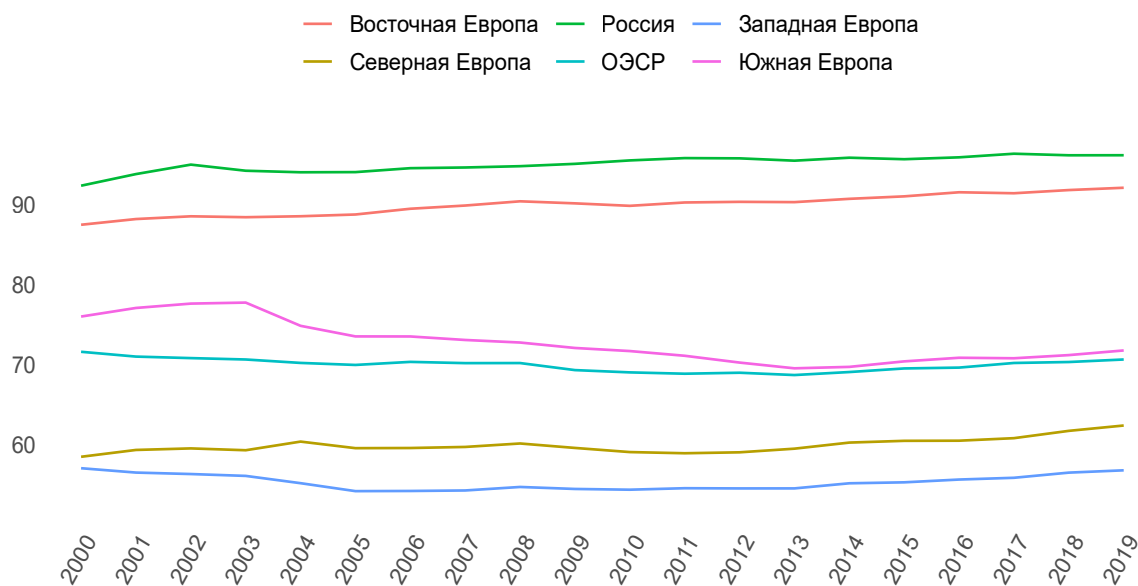
Уровень участия в рабочей силе женщин в возрасте 25-54 лет

Источник: построено авторами на основе данных OECD Statistics.

Рисунок 2

Процент занятых женщин в возрасте 25-54, работающих более 35 часов в неделю

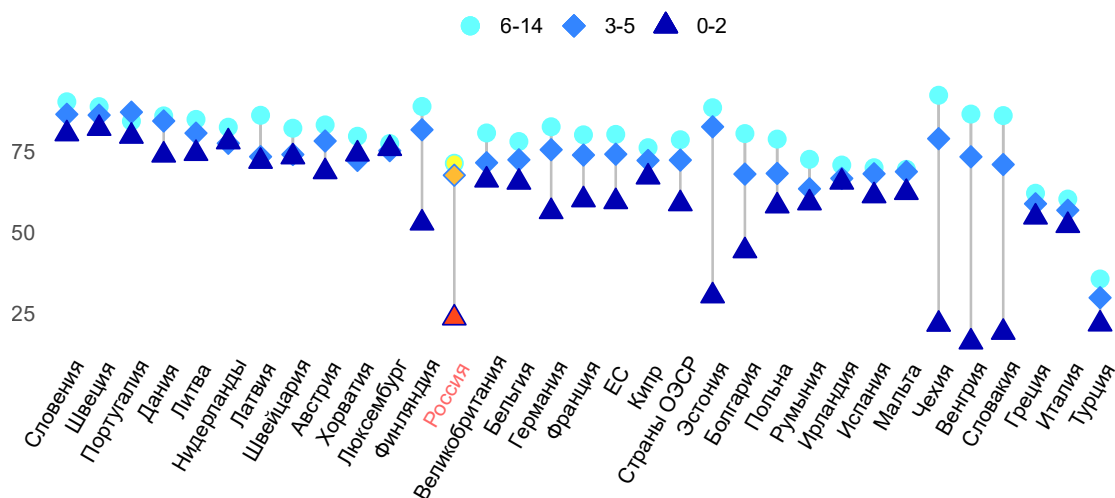

Примечание. Уровень участия в рабочей силе для женщин рассчитывается как отношение количества участвующих в рабочей силе женщин к общему количеству женщин в возрасте 25-54 для каждой группы стран. Страны сгруппированы следующим образом: Восточная Европа — Болгария, Румыния, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения; Западная Европа — Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария; Северная Европа — Ирландия, Великобритания, Норвегия, Исландия, Дания, Швеция, Финляндия; Южная Европа — Португалия, Испания, Италия, Греция, Турция, Мальта, Кипр, Македония (с 2004), Хорватия (с 2002).

Источник: построено авторами на основе данных OECD Statistics.

Рисунок 3

Занятость матерей в возрасте от 15 до 64 лет в зависимости от возраста младшего ребенка, 2019 год

Примечание. Основным источником данных для данного рисунка является OECD Family database, однако в случае с Россией эта база данных предлагала нерелевантные возрастные группы для детей (0-6, 7-10 и 11-14), поэтому значения показателей занятости матерей для детей в возрастных группах 0-2, 3-5 и 6-14 были рассчитаны нами самостоятельно на основе данных РМЭЗ, Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>.

Источник: построено авторами.

Различие гендерных ролей

Супруги принимают во внимание поведение других пар и социальные представления о том, какой выбор следует делать между карьерой и семьей каждому из партнеров (Barigozzi et. al, 2018). В частности, представления о гендерных ролях женщины и мужчины в семье напрямую влияют на вовлеченность женщин в рабочую силу после рождения ребенка. В России 80% женщин и 78% мужчин считают, что женщине лучше оставаться дома с ребенком, что сопоставимо с показателями стран Центральной Азии (Таджикистана и Узбекистана) и ближайших стран-соседей (Украины и Белоруссии) (рис. 4).

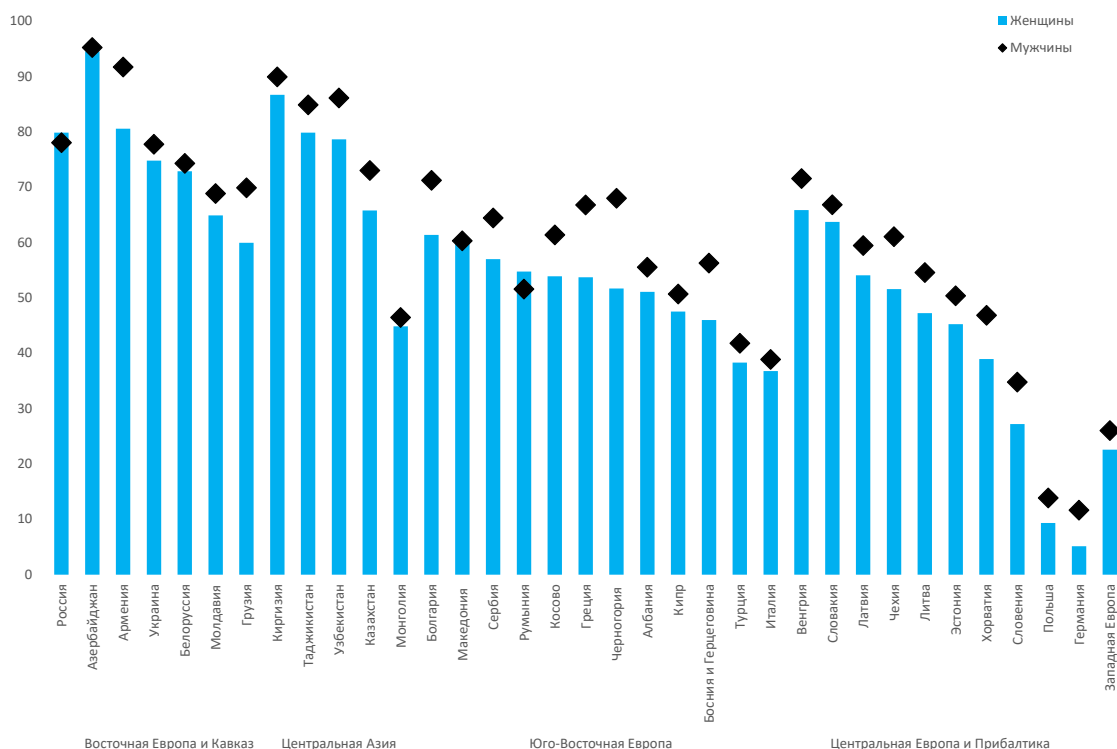
Страны Центральной Европы и Прибалтики менее консервативны в отношении этого утверждения по сравнению с Центральной Азией и Кавказом. При этом Россия по уровню поддержки традиционного уклада, когда мужчина зарабатывает, а женщина ведет дом, ближе всего к странам Центральной Азии, Восточной Европы и Кавказа.

Отпуска по беременности, родам и по уходу за ребенком

Для российских матерей условия отпусков по беременности, родам и по уходу за ребенком сопоставимы с правилами, действующими в других странах, хотя в целом среди рассматриваемых стран наблюдается большой разброс (рис. 5). Продолжительность отпуска по уходу за ребенком в России — 1,5 года, такая же, как в Латвии и Норвегии, а выплаты составляют 40% от зарплаты (при наличии «потолка» величины выплат),

Рисунок 4

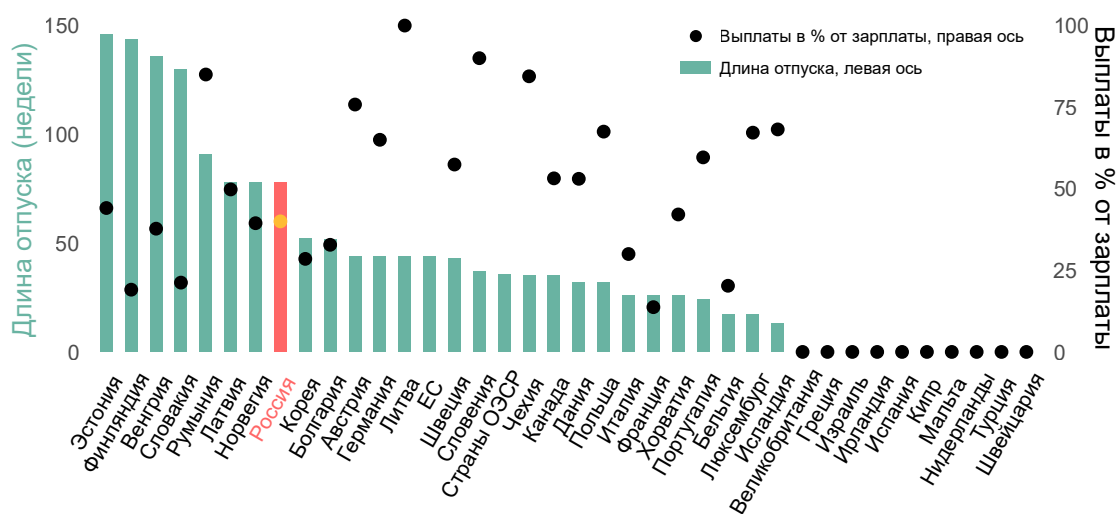
Процент согласных с утверждением, что женщине лучше быть домохозяйкой, а мужчине — работать

Источник: построено авторами на основе данных Life in Transition Survey (LITS) <https://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html>.

Рисунок 5

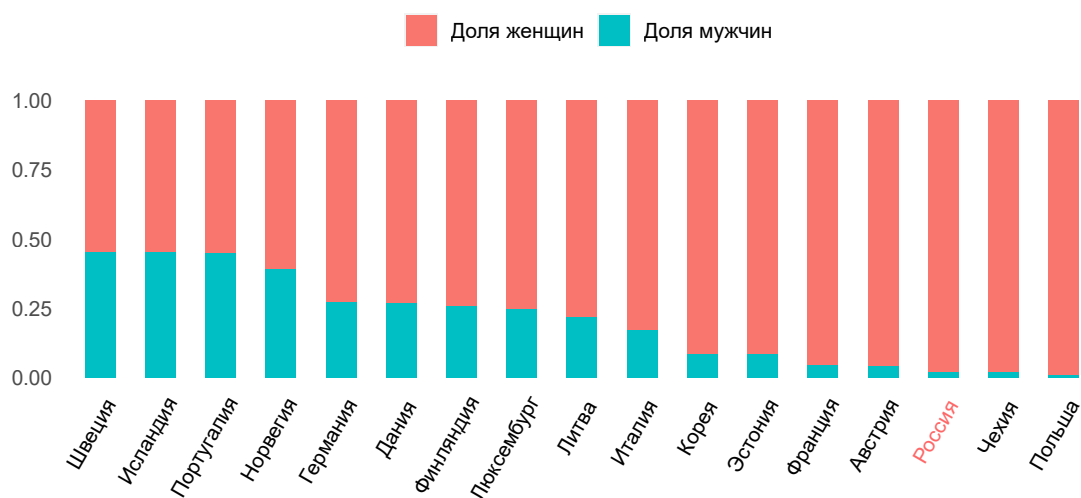
Отпуск по уходу за ребенком (левая ось) и выплаты во время него в процентах от зарплаты (правая ось) для матери

Источник: построено авторами на основе данных OECD Family database.

Рисунок 6

Соотношение отцов и матерей, берущих отпуск по уходу за ребенком

Источник: построено авторами на основе данных Фонда социального страхования (ФСС) для России и OECD Family database для остальных стран.

что схоже с показателями Норвегии и Хорватии. При этом отпуска в России длиннее, чем в среднем в странах ОЭСР.

Pettit, Hook (2009), Kenworthy (2008) и Voeckmann et al. (2015) отмечают, что длительный отпуск может иметь негативный эффект — уровень занятости женщин снижается, а их перспективы на рынке труда сокращаются. Перерыв в карьере может также привести к частичному обесценению человеческого капитала и снижению производительности труда (Lalive, Zweimüller, 2009; Schönberg and Ludsteck, 2014). Glass, Fodor (2011) указывают, что работодатели в меньшей мере склонны нанимать женщин, которые могут на длительный период уйти в отпуск, и обеспечивать их карьерный рост.⁴

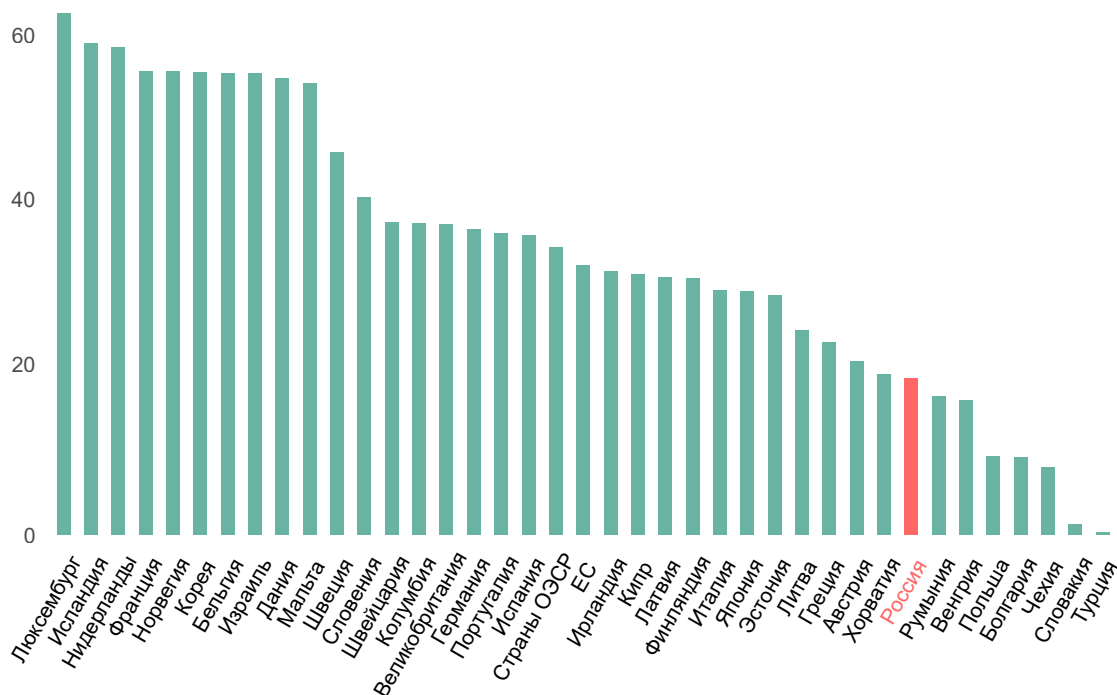
В отличие от других стран, в России с законодательной точки зрения отцы и матери имеют одинаковые права на отпуск по уходу за ребенком. Это редкое явление — менее половины рассматриваемых стран предоставляют отцам такую возможность. Однако, несмотря на это право, отцы в России крайне редко берут отпуска (рис. 6)⁵.

⁴ Указанные негативные эффекты от длительных отпусков матерей можно компенсировать за счет продвижения мер по поддержанию человеческого капитала женщин. Например, можно стимулировать женщин получать дополнительное образование или проходить курсы переподготовки. Это можно осуществить, например, за счет социальных выплат (Herbst, Tekin (2011) показали, что увеличение выплат по уходу за ребенком стимулирует матерей-одиночек получать дополнительное образование), а также посредством популяризации отпусков для ухода за ребенком среди отцов.

⁵ Матери чаще берут отпуск по уходу за ребенком из-за перечисленных ранее факторов: гендерного неравенства, социальных норм, экономических стимулов. Однако, важно отметить, что в наиболее «прогрессивных» странах отличаются эти факторы, но и условия выдачи отпусков с законодательной точки зрения. Например, в Швеции отпуска по уходу за ребенком предоставляются обоим родителям персонально и «сгорают», если их не использовали. Судя по статистике использования отпусков, такая система стимулов вкупе с более либеральными и гендерно равноправными нормами способна увеличить количество отцов, берущих отпуска для ухода за ребенком.

Рисунок 7

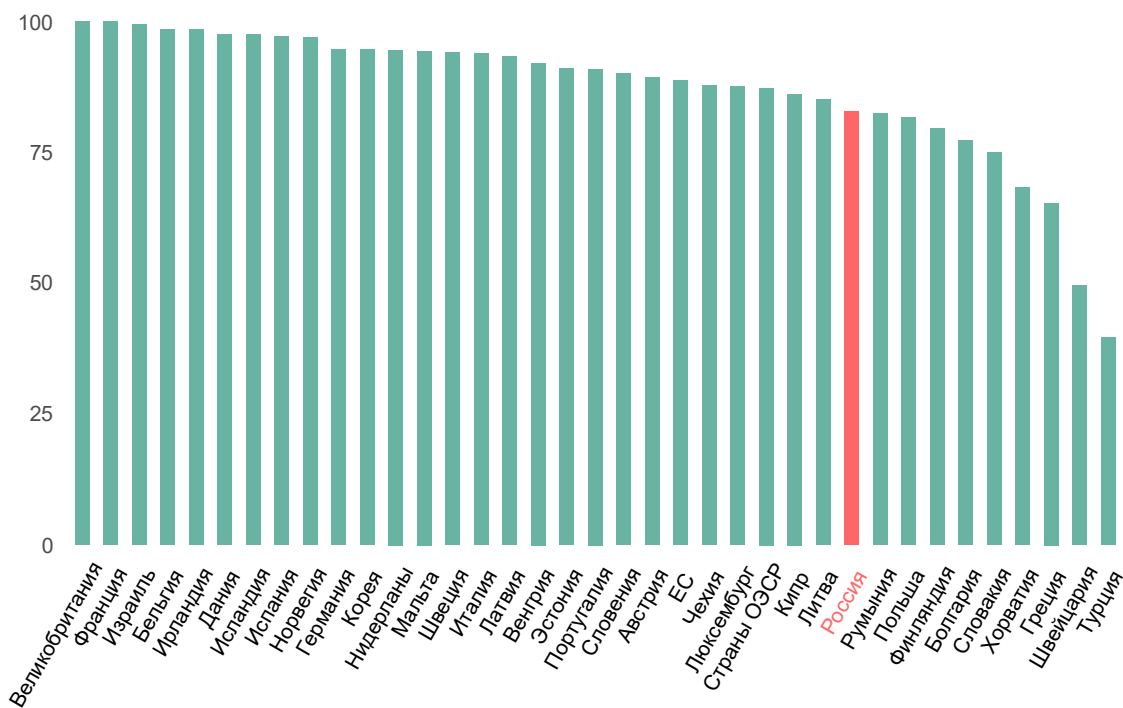
Посещаемость дошкольных учреждений детьми в возрасте 0-2 года в процентах

Источник: построено авторами на основе данных OECD Family database.

Рисунок 8

Посещаемость дошкольных учреждений детьми в возрасте 3-5 лет в процентах

Источник: построено авторами на основе данных OECD Family database.

Доступность дошкольных учреждений

Женщины с детьми, стремящиеся выйти на работу, вынуждены искать альтернативные способы ухода за ребенком, и детские дошкольные учреждения являются одним из лучших вариантов. Отсутствие доступа к детским садам или нежелание отдавать ребенка в детский сад по той или иной причине может стать существенным препятствием для увеличения участия женщин в рабочей силе.

В России по сравнению с рядом европейских стран мало детей посещают детские сады: 83% и 19% в возрастах 3-5 лет и 0-2 года соответственно. Россия находится в неблагоприятном положении по показателю посещения детских садов детьми в возрасте 0-2 года наравне со странами Восточной Европы с постсоветским наследием, а именно со сравнительно высоким уровнем недоверия к дошкольным учреждениям, консервативными гендерными ролями, резким выходом государства из сферы дошкольного образования в прошлом и ограниченным участием в настоящем. При этом если сравнить количество часов, проводимых младшей группой детей в дошкольных учреждениях, Россия находится среди стран с одним из наиболее высоких показателей — 37,2 часов в неделю. Иными словами, если родители в России решают отдать ребенка до двух лет в дошкольное учреждение, то они отдают его практически на полный день. Это свидетельствует о негибкости рынка труда и об отсутствии возможности трудоустройства с неполным рабочим днем.

2. Анализ занятости женщин с детьми в контексте доступности дошкольного образования на уровне регионов РФ

Дескриптивный анализ факторов спроса и предложения услуг дошкольного образования и учреждений по уходу и присмотру за детьми

Региональные данные (рис. 9) говорят о том, что уровень охвата дошкольным образованием детей младшей дошкольной группы (0-2 года) превышает 40% лишь в четырех регионах России (Республика Коми, Мурманская область, Новгородская область и Чукотский АО). В шести регионах России значения данного показателя составляют менее 10%. Аналогичные показатели для детей 3–6 лет существенно выше — они составляют 60–100%.

В большинстве регионов в очереди на определение в дошкольные образовательные организации (ДОО) стоят порядка 5% от численности детей в возрасте 3-6 лет (рис. 10а), в то время как данный показатель для детей в возрасте 0-2 года колеблется в интервале 40-60% (рис. 10б).

По данным Росстата, в 2018 году родители половины детей младшей возрастной группы изъявили желание отдать их в дошкольные учреждения, но дети не были в них зачислены из-за нехватки мест.⁶

Существенными факторами, ограничивающими предложение учреждений дошкольного образования, помимо отсутствия мест, являются необходимость капитального ремонта и большое количество детей, приходящихся на одного педагогического работника.

⁶ В конце 2018 года в очереди на зачисление в ДОО состояли 2,4 миллиона детей в возрасте 0-2 года, при общей численности детей данного возраста 5,2 миллиона. В течение 2018 года число мест в дошкольных организациях увеличилось на 89,5 тысячи. При этом по состоянию на 31 января 2017 года в очереди на зачисление числились 273 тысячи детей в возрасте 3-7 лет и 2,7 миллиона детей в возрасте 0-2 года. Очевидно, что темпы роста числа мест в дошкольных организациях не соответствуют заявленному спросу. К аналогичному выводу пришли в своей работе Кузьминов, Фрумин (2019). Даже если все новые места в детских садах были бы зарезервированы за детьми младшей группы, в большинстве регионов количество новых мест в ДОО покрыло бы лишь 5-10 % спроса.

Рисунок 9а
Уровень охвата дошкольным образованием детей в возрасте 3-6 лет, 2018 год

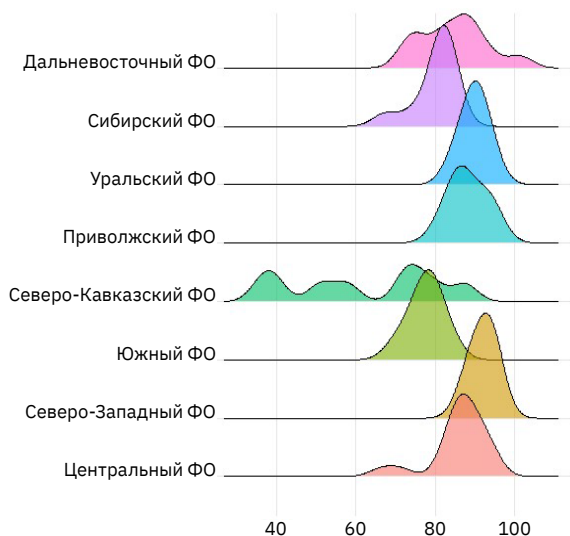

Рисунок 9б
Уровень охвата дошкольным образованием детей в возрасте 0-2 года, 2018 год

Примечание: на графиках изображены сглаженные гистограммы распределения уровня охвата дошкольным образованием детей двух возрастных групп 3-6 лет и 0-2 года (процент от общей численности детей соответствующего возраста) в субъектах Российской Федерации по состоянию на конец 2018 года. Субъекты РФ сгруппированы по федеральным округам, которые выделены отдельным цветом.

Источник: построено авторами на основе данных Росстата.

Рисунок 10а
Доля детей в возрасте 3-6 лет, стоящих в очереди на зачисление в ДОО

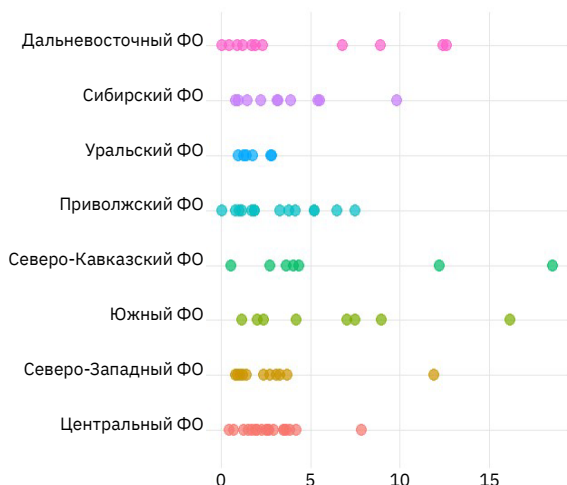
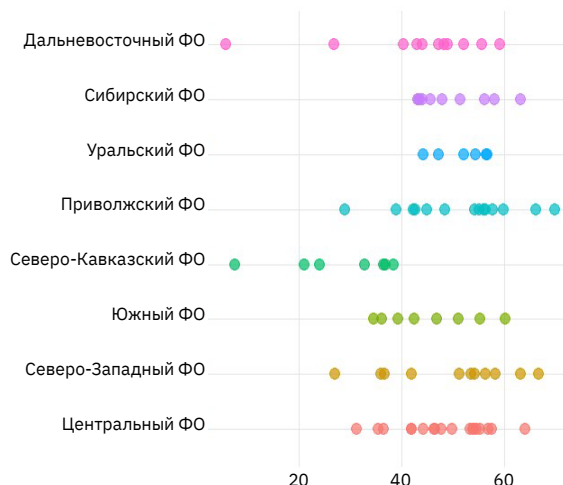

Рисунок 10б
Доля детей в возрасте 0-2 года, стоящих в очереди на зачисление в ДОО

Примечание: на графиках точками изображены число детей (двух возрастных групп: 3-6 лет и 0-2 года), ожидающих зачисления в ДОО, в % от общей численности детей соответствующего возраста, проживающих в данном субъекте РФ. Цветом выделены отдельные федеральные округа РФ.

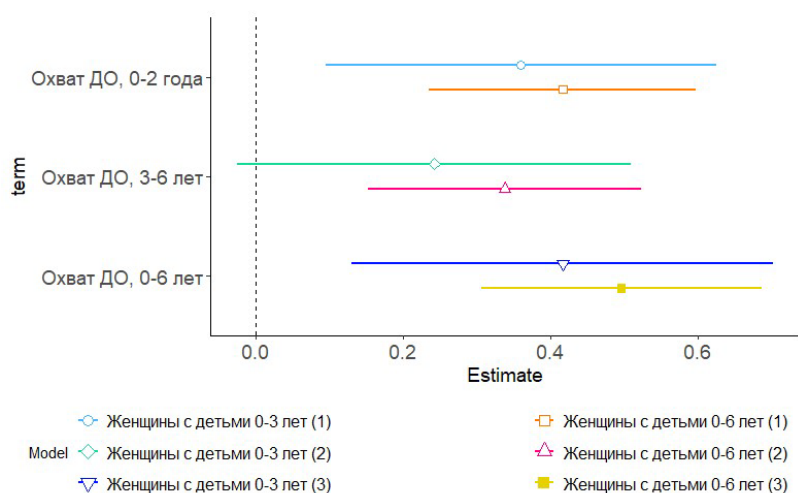
Источник: построено авторами на основе данных Росстата.

Регрессионный анализ на межрегиональном уровне

Рис. 11 обобщает результаты полученных регрессионных оценок. Среднее значение коэффициента связи охвата ДОО и уровня занятости женщин с детьми дошкольного возраста составляет 0,42. Таким образом, повышение уровня охвата дошкольным образованием детей на 1 процентных пункт ассоциируется с повышением уровня занятости женщин в регионе в среднем на 0,42 процентных пункта.

Рисунок 11

Регрессионные оценки связи уровня охвата ДО и уровня занятости женщин с детьми

Примечание: на графике маркерами обозначены оценки коэффициентов расширенных регрессионных моделей с различными ключевыми показателями уровня развития системы дошкольного образования (уровень охвата ДО детей разных возрастных групп) и зависимыми переменными (уровень занятости женщин с детьми дошкольного возраста и детьми младше 3 лет). Горизонтальные линии изображают 95% доверительные интервалы оценок данных коэффициентов.

Источник: построено авторами.

Анализ выгод и издержек от расширения дошкольного образования

Создание дополнительных мест в течение первого года и содержание детей в ДОО в течение второго года потребовало бы суммарно 31,5 миллиарда рублей, в то время как налоговые поступления от потенциального роста уровня занятости женщин за эти два года принесли бы в бюджет 31,8 миллиарда рублей. Через два года успешной эксплуатации это соотношение составило бы 34,4 миллиарда рублей суммарных расходов против 63,7 миллиарда налоговых доходов. Иными словами, затраты на увеличение мест в детских дошкольных организациях окупаются дополнительными налоговыми поступлениями от работающих женщин с детьми уже через два года. Кроме того, в данных расчетах мы не учитываем положительное влияние дошкольного образования на развитие социальных и когнитивных навыков ребенка, а также поддержание развития человеческого капитала матерей.

3. Рекомендации по выработке мер политики и оценка долгосрочных выгод от расширения занятости женщин с детьми

Дефицит предложения услуг дошкольного образования и ухода и присмотра за детьми является «узким местом», препятствующим реализации потенциала занятости женщин с детьми в России. Если этих услуг станет больше, а спрос на них и уровень экономической активности женщин останется высоким, то уровень занятости женщин с детьми будет расти.

- Дополнительно увеличить занятость женщин с детьми могли бы следующие меры политики:
- стимулирование отцов брать отпуска по уходу за ребенком (введение «сгорающих» оплачиваемых отпусков);
- стимулирование равной оплаты труда, создание условий труда с учетом гендерных аспектов и равных возможностей карьерного роста;
- стимулирование организаций, предоставляющих рабочие места, к внедрению гибких графиков и графиков с неполным рабочим днем.
- популяризация концепции гендерного равенства.

Долгосрочные выгоды от расширения занятости женщин с детьми

Согласно расчетам на основе «арифметики роста» (Bloom et al., 2009), достижение охвата услугами дошкольных учреждений в России уровня стран Европы позволило бы за счет увеличения материнской занятости реализовать значительный потенциал экономического роста: увеличение дохода на душу населения составило бы 3,5%.

Заключение

Препятствием для решения «женского вопроса» в России является формирование застойной бедности в семьях с детьми младших возрастов, частичное обесценивание человеческого капитала женщин во время длинных отпусков по уходу за детьми (0,4-1% в месяц (Dechter, 2014) с последующим снижением заработка на протяжении всей карьеры, а также снижение рождаемости в ответ на недостаточную поддержку женщин с детьми со стороны государства (Журавлева, Гаврилова, (2017).

Существующий дизайн семейной политики в России, политика рефамилизации, нуждается в пересмотре, если правительство стремится повысить благосостояние семей с детьми и экономическое благополучие женщин. Альтернативой могла бы стать политика дефамилизации, то есть предоставление женщинам возможности выбирать — работать или нет. Для этого необходимо улучшать государственное финансирование услуг дошкольных учреждений и поддерживать гендерное равенство в экономической деятельности и семейном разделении труда.

Литература

1. Абанкина И. В., Филатова Л. М. (2020). Доступность дошкольного образования для детей до трех лет: региональный аспект, меры государственной политики. Мониторинг Экономики Образования, 43. [Abankina I.V., Filatova L.M. (2020) Early Child Development: New Approaches and Assessments of Parents, Issue 43 (In Russian)]
2. Арженовский С. В., Артамонова Д. В. (2007). Оценка потерь в зарплате женщин с детьми. Прикладная эконометрика. Т. 3. № 7, С. 66–79 [Arzhenovsky S. V., Artamonova D. V. (2007). Assessment of salary losses for women with children. Applied econometrics. Vol. 3. No. 7, pp. 66-79 (In Russian).]
3. Бирюкова, С. С., Макаренцева, А. О. (2017). Оценки «штрафа за материнство» в России. Население и экономика, Т. 1. № 1, С. 50-70. [Biryukova, S., Makarentseva, A. (2017). Estimates of the motherhood penalty in Russia. Population and Economics. Vol. 1. No. 1, pp. 50-70. (In Russian).] <https://doi.org/10.3897/popecon.1.e36032>
4. Журавлева, Т. Л., Гаврилова, Я. А. (2017). Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? Экономический журнал Высшей школы экономики, 21(1).
5. Исупова О. Г. (2000) Ваш ребенок нужен только Вам, или Социальный смысл материнства в современной России. Социологические исследования. № 11. С. 98–107. [Isupova O. (2000) Social meaning of motherhood in contemporary Russia (“It is only you who needs your child”). Sociological research. No. 11. pp. 98-107. (In Russian).]
6. Карабчук, Т. С., Нагерняк, М. А. (2013). Детерминанты занятости для матерей в России. Журнал исследований социальной политики, Т. 11 № 1, С. 25-48. [Karabchuk T., Nagernyak, M. (2013). Employment determinants for mothers in Russia. The Journal of Social Policy Studies. Vol. 11. No. 1, pp. 25-48 (In Russian).]
7. Коробова Е. В. (2020). Совершенствование правового регулирования предоставления дошкольного образования несовершеннолетним в Российской Федерации. Магистерская Диссертация, Сибирский федеральный университет, 5(1), 43–54. [Korobova E.V. (2020) Improvement of legal regulation of pre-school education for minors in Russian Federation. Master dissertation thesis. Siberian Federal University. (In Russian)]
8. Кузьминов Я., Фрумин И. (2019). Российское образование: Достижения, вызовы, перспективы. Дошкольное образование в России. Издательский дом Высшей школы экономики. [Kuzminov Y., Frumin I. (2019) Russian education: achievements, challenges, perspectives. HSE Publishing House (In Russian)]
9. Левин, М. И., Ощепков, А. Ю. (2013). Оценка влияния дошкольных образовательных учреждений на занятость российских матерей. Финансы и бизнес, № 3, С. 89-106. [Levin, M., Oshchepkov, A. (2013). Assessment of the impact of preschool educational institutions on the employment of Russian mothers. Finance and Business, No. 3, pp. 89-106.]
10. Организация Объединенных Наций: Handbook for Producing National Statistical Reports on Women and Men, Social Statistics and Indicators, Series K, No. 14 (New York, 1997), p. 235

11. Орлова Е.А., Белоусов Д.Р., Галимов Д.И. (2020). О модели потенциального ВВП и разрыва выпуска для российской экономики. Проблемы Прогнозирования, 2, С. 60-71. [Orlova E.A., Belousov D.R., Galimov D.I. (2020). A model of potential GDP and output gap for the Russian economy. Studies on Russian Economic Development. Vol. 31. № 2. pp. 171-180.]
12. Ржаницына Л.С. (2000) Работающие женщины в России в конце 90-х годов. Вопросы экономики. № 3. С. 46–53. [Rzhanitsyna L. (2000) Rabotayushchiye zhenshchiny v Rossii v kontse 90-kh godov. Voprosy ekonomiki. No, 3. pp. 46–53.]
13. Селиверстова И. (2008). Охват детей дошкольным образованием: уровень, межрегиональная дифференциация и ее причины. Вопросы Образования, (3). [Seliverstova I. (2008) Children’s enrollment in preschool education: Level, variations between regions and its reasons. Educational Studies Moscow, 3 (In Russian)]
14. Синица А. (2017). Проблемы и перспективы развития системы дошкольных образовательных организаций в Российской Федерации. Вестник Томского Государственного Университета, (40), 206–221. [Sinitsa A. (2017). Problems and future development of the pre-school educational organizations system in the Russian Federation. Tomsk State University Journal of Economics, no. 40, pp. 206-221 (In Russian)] <https://doi.org/10.17223/19988648/40/17>
15. Alvares, C., & Verissimo, I. (2016). Practice what you preach: Deconstructing gender equality in portuguese media. Gender Equality and the Media: A Challenge for Europe, pp. 157-170.
16. Asai, Y. (2015). Parental leave reforms and the employment of new mothers: Quasi-experimental evidence from Japan. Labour Economics, 36, 72–83. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2015.02.007>
17. Baker, M., Milligan, K. (2008). Maternal employment, breastfeeding, and health: Evidence from maternity leave mandates. Journal of health economics, Vol. 27 No. 4, pp. 871-887. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2008.02.006>
18. Baker, M., Gruber J., Milligan, K. (2008). Universal Child Care, Maternal Labor Supply, and Family Well-Being. Journal of Political Economy, Vol. 116, no. 4, pp. 709-745. <https://doi.org/10.1086/591908>
19. Barigozzi, F., Cremer, H., Roeder, K. (2018). Women’s career choices, social norms and child care policies. Journal of Public Economics, Vol. 168, pp. 162-173. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.10.004>
20. Bauernschuster, S., Schlotter, M. (2015). Public child care and mothers’ labor supply— Evidence from two quasi-experiments. Journal of Public Economics, Vol. 123, pp. 1-16. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.12.013>
21. Blau, D. (2003). Child Care Subsidy Programs. In: R. A. Moffitt (ed.). Means-Tested Transfer Programs in the United States. NBER. University of Chicago Press, pp. 443-516.
22. Blau, F. D., & Kahn, L. M. (2013). Female Labor Supply: Why Is the United States Falling Behind? American Economic Review, 103(3), 251–256. <https://doi.org/10.1257/aer.103.3.251>
23. Bloom D., Canning D., Fink G., Finlay J. (2009). Fertility, female labor force participation, and the demographic dividend. Journal of Economic Growth. Vol. 14, pp. 79–101. <https://doi.org/10.1007/s10887-009-9039-9>

24. Boca D. Del, Monfardini C., See S. G. (2018). Government Education Expenditures, Pre-Primary Education and School Performance: A Cross-Country Analysis. CEPR Discussion Paper No. DP12756, (February). Retrieved from www.iza.org
25. Boeckmann, I., Misra, J., & Budig, M. J. (2015). Cultural and institutional factors shaping mothers' employment and working hours in postindustrial countries. *Social Forces*, Vol. 93 No. 4, pp. 1301-1333. <https://doi.org/10.1093/sf/sou119>
26. Brewer, M., Crawford, C. (2010). Starting school and leaving welfare: The impact of public education on lone parents' welfare receipt. IFS working papers. No. 10, 19
27. Budig, M. J., Misra, J., Boeckmann, I. (2016). Work–family policy trade-offs for mothers? Unpacking the cross-national variation in motherhood earnings penalties. *Work and Occupations*, Vol. 43. No. 2, pp. 119-177. <https://doi.org/10.1177/0730888415615385>
28. Cascio, E. U. (2009). Maternal labor supply and the introduction of kindergartens into American public schools. *Journal of Human resources*, Vol. 44. No. 1, pp. 140-170. <https://doi.org/10.3368/jhr.44.1.140>
29. Cascio, E. U., Haider, S. J., Nielsen, H. S. (2015). The effectiveness of policies that promote labor force participation of women with children: A collection of national studies. *Labour Economics*. Vol. 36, pp. 64-71 <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2015.08.002>
30. Dechter E. K. (2014). Maternity leave, effort allocation, and postmotherhood earnings. *Journal of Human Capital*, 8(2), 97–125. <https://doi.org/10.1086/677324>
31. Djerf-Pierre, M. (2011). The difference engine: Gender equality, journalism and the good society. *Feminist Media Studies*, Vol. 11 No.1, pp. 43-51.
32. Dunst, C. J., Leet, H. E., & Trivette, C. M. (1988). Family resources, personal well-being, and early intervention. *The Journal of Special Education*, Vol. 22 No.1, pp. 108-116.
33. Dunst, C. J. (2000). Revisiting rethinking early intervention. *Topics in early childhood special education*, Vol. 20 No. 2, pp. 95-104.
34. Felfe C., Lalive R. (2018). Does early child care affect children's development? *Journal of Public Economics*, 159, 33–53. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2018.01.014>
35. Felfe C., Nollenberger N., Rodríguez-Planas N. (2015). Can't buy mommy's love? Universal childcare and children's long-term cognitive development. *Journal of Population Economics*, 28(2), 393–422. <https://doi.org/10.1007/s00148-014-0532-x>
36. Fernandez, R. (2013). Cultural Change as Learning: The Evolution of Female Labor Force Participation over a Century. *American Economic Review*, Vol. 103. No. 1, pp. 472-500. <https://doi.org/10.1257/aer.103.1.472>.
37. Fitzpatrick, M. D. (2010). Preschoolers enrolled and mothers at work? The effects of universal prekindergarten. *Journal of Labor Economics*, Vol. 28. No.), pp. 51-85. <https://doi.org/10.1086/648666>
38. Glass, C., Fodor, E. (2011). Public maternalism goes to market: Recruitment, hiring, and promotion in postsocialist Hungary. *Gender & Society*, Vol. 25. No. 1, pp. 5-26. <https://doi.org/10.1177/0891243210390518>
39. Gorlich D., de Grip A. (2009). Human capital depreciation during hometime. *Oxford Economic Papers*, 61(SPEC. ISS.), 98–121. <https://doi.org/10.1093/oep/gpn044>

40. Goux, D., Maurin, E. (2010). Public school availability for two-year olds and mothers' labour supply. *Labour Economics*, Vol. 17. No. 6, pp. 951-962. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.04.012>
41. Havnes, T., Mogstad, M. (2011). No child left behind: Subsidized child care and children's long-run outcomes. *American Economic Journal: Economic Policy*, Vol. 3 No. 2, pp. 97-129. <https://doi.org/10.1257/POL.3.2.97>
42. Herbst, C. M., Tekin, E. (2011). Do child care subsidies influence single mothers' decision to invest in human capital? *Economics of Education Review*, Vol. 30. No. 5, pp. 901-912. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2011.03.006>
43. Hsieh, C.-T., Hurst, E., Jones, C. I., & Klenow, P. J. (2019). The Allocation of Talent and U.S. Economic Growth. *Econometrica*, 87(5), 1439-1474. <https://doi.org/10.3982/ECTA11427>
44. Kashkarov D., Mamonov M., Pestova A. (2021). *Childcare Provision and Human Capital: The Drivers of Female Labor Supply*.
45. Kazakova Y. (2019). *Childcare availability and maternal labour supply in Russia*. ISER Working paper No. 2019-11.
46. Kenworthy, L. (2008). *Jobs with equality*. Oxford University Press.
47. Lalive, R., J. Zweimüller. (2009). How does parental leave affect fertility and return to work? Evidence from two natural experiments. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 124. No. 3, pp. 1363-1402. <https://doi.org/10.1162/qjec.2009.124.3.1363>
48. Lefebvre, P., Merrigan, P. (2008). Child-care policy and the labor supply of mothers with young children: A natural experiment from Canada. *Journal of Labor Economics*, Vol. 26. No. 3, pp. 519-548. <https://doi.org/10.1086/587760>
49. Lokshin, M. (2004). Household childcare choices and women's work behavior in Russia. *Journal of Human Resources*, Vol. 39 No.4, pp. 1094-1115.
50. Lovász, A. (2016). Childcare expansion and mothers' employment in post-socialist countries. *IZA World of Labor*. Vol. 319. <http://dx.doi.org/10.15185/izawol.319>
51. Lundin, D., Mörk, E., Öckert, B. (2008). How far can reduced childcare prices push female labour supply?. *Labour Economics*, Vol. 15. No. 4, pp. 647-659. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2008.04.005>
52. Nollenberger, N., Rodríguez-Planas, N. (2015). Full-time universal childcare in a context of low maternal employment: Quasi-experimental evidence from Spain. *Labour Economics*, Vol. 36, pp. 124-136. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2015.02.008>
53. Perry, G. E., Arias, O., Fajnzylber, P., Maloney, W. F., Mason, A., & Saavedra-Chanduvi, J. (2007). *Informality*. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-7092-6>
54. Pettit, B., Hook, J. L. (2009). *Gendered tradeoffs: Women, family, and workplace inequality in twenty-one countries*. Russell Sage Foundation.
55. Pfau-Effinger, B. (2017). *Development of culture, welfare states and women's employment in Europe*. Routledge.
56. Rindfuss, R. R., Guilkey, D. K., Morgan, S. P., Kravdal, Ø. (2010). Childcare availability and fertility in Norway. *Population and development review*, 36(4), 725-748.

57. Saxonberg, S., Sirovátka, T. (2006). Failing family policy in post-communist Central Europe. *Journal of Comparative Policy Analysis*, Vol. 8. No. 2, pp. 185-202. <https://doi.org/10.1080/13876980600682089>
58. Schönberg, U., Ludsteck J. (2014). Expansions in maternity leave coverage and mothers' labor market outcomes after childbirth. *Journal of Labor Economics*, Vol. 32. No. 3, pp. 469-505. <https://doi.org/10.1086/675078>
59. Tirole J. (1996) A theory of collective reputations (with applications to the persistence of corruption and to firm quality). *Review of Economic Studies*, Vol. 63. No. 1, pp. 1-22. <https://doi.org/10.2307/2298112>
60. Trivette, C. M., Dunst, C. J., Hamby, D. W. (2010). Influences of family-systems intervention practices on parent-child interactions and child development. *Topics in Early Childhood Special Education*, Vol. 30 No. 1, pp. 3-19.

Авторский коллектив:

А. Г. Дони́на (anna.donina@cerge-ei.cz), эксперт Центра исследований международной экономики Института международных исследований МГИМО МИД России (Москва, Россия), PhD-кандидат CERGE-EI (Карлов университет, Прага, Чехия);

Д. П. Колесник (d.kolesnik@inno.mgimo.ru), эксперт Центра исследований международной экономики Института международных исследований МГИМО МИД России (Москва, Россия);

А. А. Пестова (anna.pestova@cerge-ei.cz), к.э.н., старший научный сотрудник Центра исследований международной экономики Института международных исследований МГИМО МИД России, PhD-кандидат CERGE-EI (Карлов университет, Прага, Чехия).